

*Моей дочери Имоджен,
которая всегда и всюду
остается собой*

Ты знаешь, что я бы умер за тебя.

*Эрнест Уикли,
письмо к Фриде Уикли, 1912 год*

Любовь к тебе будет жить, как и прежде, сильнее, чем прежде, и если ты вернешься, пусть много лет спустя, даже если угаснет моя надежда, знай: я — твой.

*Отто Гросс,
письмо к Фриде Уикли, 1907 год*

Если бы она меня бросила, я бы и шести месяцев не протянул... Господи, как я люблю ее и эту муку.

*Д. Г. Лоуренс,
письмо к Эдварду Гарнетту, 1912 год*

ЧАСТЬ I

Ноттингем, 1907

Нет худшей трагедии для женщины,
чем понять, что в ее жизни чего-то не хватает:
вероятно, самого главного...
Как страшно осознавать, что умрешь,
не выполнив своего предназначения.

Дэвид ГЕРБЕРТ ЛОУРЕНС,
«Подлинная леди Чаттерлей»

ГЛАВА 1

Фрида

Уже потом, когда разразился скандал и газеты превратили ее в парию, она мысленно вернулась назад и вспомнила день, когда все началось. И даже точную минуту. Временами это мгновение вставало перед глазами с головокружительной ясностью, будто фотография. Тринадцать лет семейной жизни и трое прелестных детей сливались в одну картинку. И Фрида задумывалась, как нечто столь грандиозное могло прорасти из такого пустяка.

День начался чрезвычайно волнующе. Вспыхнуло розовым огнем небо, взорвались листвой серебристые березы, в росистой траве замерцали желтые блестки чистотела, пробившегося из черной земли. Дети носились по дому, вопя: «Тетя Нуш едет из Берлина!» Монти скакал по дивану, Эльза размахивала длинными лиловыми бусами, и даже Барби во время завтрака стучала ложкой по столу, крича:

– Нуш едет!

Миссис Бэббит все утро что-то чистила, драила, вытирала пыль. Монти с Барби насобирали примул и колокольчиков, а Эльза расставила их по дому в баночках из-под варенья. Фрида испекла *Apfelkuchen* и щедро посыпала изрытую кратерами корочку пирога корицей и сахарной пудрой. Даже Эрнест, кото-

рый обычно не выходил из кабинета, неприкаянно слонялся по дому, тыча пальцем в угольную пыль, осевшую на подоконниках, и отковыривая от плинтусов облупившуюся краску.

К полудню, когда должна была прибыть Нуш, погода переменилась. В окна сердито застучал дождь, и небо словно расколосось надвое: одну половину затянули тучи, а вторая оставалась молочно-голубой. Эрнест отправился на вокзал встречать Нуш, взмахнув перед уходом свернутым зонтом и воскликнув:

— Смотрите, не ослепните от блеска ее драгоценностей!

Он театрально прикрыл глаза, и все засмеялись, а Фрида преисполнилась смутной гордости.

Картина, увиденная час спустя, навсегда запечатлелась в ее сознании. Нуш выбралась из двуколки, приподняв подол и выставив на всеобщее обозрение изящные кружева нижней юбки и дорогие кожаные башмаки с резными каблуками и жемчужными пуговками. Отряхнув с дорожного костюма пыль и песок, она оглядела невзрачный дом с простыми кирпичными стенами, узкой входной дверью и крошечным садиком и сказала:

— О господи, бедняжка!

У Фриды не хватило духу возразить, и она повела сестру в гостиную, весело рассказывая о программе развлечений: прогулка по Шервудскому лесу, экскурсия в Ньюстедское аббатство и Уоллатон-холл.

Она прижалась к стене, чтобы пропустить Эрнеста с чемоданом сестры, и вдруг замерла, точно громом пораженная. Нуш, задрав голову, громко втянула носом воздух, будто подхватила простуду или грипп. Затем как бы подавила слабый рвотный позыв, сунула руку в перчатке в ридикюль, вытащила носовой платок и прижала ко рту.

— Дети насобирали для тебя полевых цветов, — сказала Фрида.

Еще не договорив, она поняла, что их семейный очаг вызывает у сестры стойкое отвращение, и никакие первоцветы Ноттингема не в силах заглушить въевшийся в стены запах вареных костей и кухонного газа. Она указала рукой путь в гостиную и внезапно увидела свой дом глазами Нуш: дешевые хлопчатобумажные шторы с окантовкой не в тон, вздувшаяся краска на стенах, почерневший от сажи узорчатый абажур. Даже собственноручно вышитые накидки на подушечки с алыми розами и лилиями в слоновую кость выглядели слишком неприятными и простенькими.

Нуш оглядела комнату, брезгливо скривив губы и изогнув брови, и приподняла юбки, ступив на лысеющий ковер, словно опасалась, что на нее накинутся блохи или крысы. Придирчиво обследовала диван, вытерла носовым платком и опасливо присела на краешек. Ее взгляд вновь скользнул по комнате, отметив поднимающуюся от пола сырость, скудный очаг и дипломы Эрнеста в рамочках, гордо красующиеся на стене.

— Тебе не следовало выходить за него, он тебе не ровня. Его наглость...

Фрида уже хотела вступить за Эрнеста и тут вдруг заметила в зеркале над очагом свое отражение: волосы скручены в растрепанный пучок, на лбу полоска корицы, поплывшие щеки не нарумянены, к губам приклеена натянутая улыбка. Почему она не умылась? И можно ведь было заколоть волосы изящными расписными гребешками, которые Эрнест подарил ей на свадьбу! А это клетчатое платье со слишком тесным после троих детей воротничком и бесформенной старомодной юбкой! Нуж-

но меньше думать о пирогах и больше следить за собой.

Когда с улицы ворвались дети, капая дождем со шляп и мокрого платья, она с облегчением повернулась к двери.

— Раздевайтесь и высушите волосы, не то намочите тетю Нуш, — весело скомандовала она, прогоняя детей слишком небрежным взмахом руки.

— Их так взбудоражил твой приезд, дражайшая Нуш. Они хотят расспросить тебя о своей двоюродной сестричке. Как жаль, что ты не смогла взять ее с собой!

— Путешествия и дети несовместимы, — хохотнула гостья.

Она подалась вперед и слегка понизила голос.

— С тех пор как я сошла с корабля, никто не бросил на меня заинтересованного взгляда. Что случилось с английскими мужчинами?

— Они сдержанны, а ты слишком привыкла к военным. Но у меня есть для тебя кое-что получше: собственноручно испеченный пирог.

Скорее бы миссис Бэббит подала чай! Добрый кусок пирога придаст сил не замечать насмешек сестры; у Фриды потекли слюнки.

— Дети прелестны, несмотря на мокрые волосы. Они даже слишком очаровательны для отпрысков Эрнеста.

Нуш встала и расправила юбки; Фриду поразил безупречный наряд сестры; новенький, с иголки, дорожный костюм с чересчур блестящими пуговицами и роскошными перьями цапли выглядел неуместным в их тесном, непритязательном доме.

Позже, когда Ида увела детей, а миссис Бэббит подала чай и вышла из комнаты, Нуш откашлялась и сообщила:

— Все женщины с современными взглядами в Берлине и Мюнхене имеют любовников.

Она с напускным смущением опустила глаза в чашку.

— Даже баронесса должна быть соблазнительной, иначе она никто. Я не намерена быть ничтожеством.

— Ты не ничтожество. И у тебя есть все, — возразила сбитая с толку Фрида.

— Я говорю не о себе. Как бы то ни было, мы, баронессы фон Рихтхофен, не созданы для скучной жизни. Нам это противопоказано.

У Фриды сдавило грудь, словно ее стянули металлическим обручем.

— Моя жизнь вовсе не скучная, — сказала она, указывая тяжелой, негнущейся рукой в окно.

В саду играли дети, и Фрида хотела показать Нуш, как они ее радуют. Но в голове настырно зудел тоненький тихий голосок, отвлекая от действительности: тоска, скука, ничтожество...

— Тебе следует навестить Элизабет в Мюнхене. Богемное кафе, где собираются анархисты и художники, обсуждающие свободную любовь, и твоя сестра в самой гуще событий. Я предпочитаю военных, а вот тебе, я думаю, понравится. Ты всегда отличалась радикальными настроениями.

Нуш сделала паузу, пристально разглядывая свои унизанные кольцами пальцы.

— Помнишь, как ты мочилась под грушу в отцовском саду? Ты задирала ногу, как собака. Бесстыдница!

Фрида откусила большой кусок пирога, пытаясь придумать достойный ответ. Нуш облокотилась на подушки и вновь заговорила о прошлом.

— Всегда поражалась, как ты не утонула, когда наш папаша бросал тебя в это озеро. Помнишь? Он пры-